

УДК 355.257.72(476) + 355.65 + 94(476)«1941/1944»

Е. Н. Докунова, аспирант (БГУ)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944 ГГ.)

В статье рассматривается вопрос о продовольственном обеспечении советских военнопленных в лагерях на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.). Приводятся официальные нормы питания военнопленных, описаны условия получения и приема пищи.

В исследовании на основе архивных документов, воспоминаний бывших военнопленных делается вывод, что нормы питания не соответствовали стандартам для нормальной жизнедеятельности человека, а это приводило к увеличению смертности и каннибализму среди военнопленных.

The article addresses the issue of food security of Soviet POWs in camps in the occupied territory of Belarus (1941–1944 years). Given official food rations of prisoners of war, a description of the conditions for obtaining food. In a study based on archival documents, memoirs of former prisoners of war concluded that nutritional standards are not meet the standards for normal human activities.

Введение. Здоровье военнопленных и продолжительность их жизни во многом зависели от питания. Проблему продовольственного обеспечения советских военнопленных фрагментарно затрагивали в своих исследованиях (М. Я. Савоняко, В. Д. Селеменев, Р. А. Черноглазова). Цель данной статьи – проследить политику нацистского руководства по продовольственному обеспечению советских военнопленных в лагерях на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.).

Основная часть. Проблемой номер один в лагерях для советских военнопленных был голод. К началу войны с СССР не существовало единых норм питания для военнопленных.

В лагерях комендант решал самостоятельно вопрос о качестве и количестве выдаваемых продуктов. Это зависело от места расположения лагеря, его технических возможностей, например, наличие транспортных средств, баз снабжения, личных убеждений коменданта: его заинтересованности и инициативности. Так, в шталаге (стационарный лагерь для сержантов и рядовых) № 337, Барановичи военнопленным выдавали 127 г хлеба с опилками, не более половины консервной банки баланды без соли; в дулаге (пересыльный лагерь) № 121, Гомель хлеба не давали, выдавали баланду из отрубей и мерзлой картошки. Такое отношение объяснялось тем, что в отношении СССР не существовало никаких международно-правовых обязательств, норм. Нацистская система военного плена в вопросах режима содержания, охраны, продовольственного обеспечения, медицинского обслуживания, использования труда военнопленных в ходе Великой Отечественной войны дифференцировано относилась к военнопленным различных враждебных государств. Советские военнопленные оставались внутри иерархии пленных на одной из самых низких ступеней. Подтверждением тому служит положение

приказа генерала-квартирмейстера сухопутных войск Э. Вагнера от 21.10.1941 г.: «Советский Союз не присоединился к соглашению об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г., а поэтому с нашей стороны нет обязательства обеспечивать советских военнопленных установленным этим соглашением количеством продовольствия и предусмотренной квотой [1, л. 109]. Только 06.08.1941 г. по приказу военно-административного отдела главного командования сухопутных войск питание советских военнопленных было впервые единообразно урегулировано. Рационы по питательности соответствовали 2040 калориям, а для пленных, занятых на работах, – примерно 2200 калориям. Продукты необходимо было использовать плохого качества, а не из армейских продовольственных складов.

Отчеты коменданта по делам военнопленных округа «Я» полковника Маршалла, донесения о проведенной им инспекции, воспоминания бывших военнопленных дают все основания говорить о том, что данные рационы оставались только на бумаге и не соблюдались. Пленные не получали даже этих совершенно недостаточных рационов для жизнедеятельности живого человека. По целому ряду лагерей документально доказано, что военнопленные ели траву, листья, древесную кору, имели место среди пленных случаи каннибализма в лагерях (шталаги № 337, 357, 313, дулаг № 121). Низкие нормы питания, некачественная пища, условия раздачи и получения пайков приводили к увеличению смертности в лагерях. В отчете коменданта округа «Я» указывалось, что в дулаге № 185 18.11.1941 г. ежедневная смертность военнопленных составляла 5% т. е. при содержащихся в лагере 30 000 военнопленных – 1500 чел. в день. Неработающие военнопленные получали 1400 калорий в день, а работающие – 1600 калорий [2, л. 116]. Только те военнопленные,

которые использовались в составе рабочих команд, питались лучше (писари, рабочие по обслуживанию администрации лагеря, портные и др.). Низкое качество продуктов подтвердили врачи лазаретов. Они неоднократно говорили о желудочно-кишечных расстройствах у пленных, писали письма с обращением к администрации лагеря с просьбой увеличить нормы питания. Заместитель начальника госпиталя по медицинской части в своей докладной записке на имя начальника лагерного лазарета шталага № 352 отмечал, что получаемый со склада хлеб поражен плесенью не только с поверхности, но и на значительную глубину. В результате вырезания испорченных частей хлеба большие недополучали положенные им нормы. Употребление такого хлеба являлось причиной желудочно-кишечных расстройств. А для быстрого восстановления сил военнопленных главврач лазарета доктор Тарасевич определял к существовавшему пайку на одного человека прибавку белка 50 г, жиров 20 г, хлеба 200 г, овощей 300 г [3]. На уровень здоровья военнопленных влиял также процесс раздачи и приема пищи в лагерях. Так, солдат немецкой армии в своем дневнике детально описал практику раздачи пищи в лагере для военнопленных в Молодечно. По его воспоминаниям, раз в сутки выдавали на семь человек по буханке хлеба и по две консервные банки с водой. Именных списков военнопленных не существовало, так как невозможно было вызывать всех по одному – в лагере находились 26 000 военнопленных. Далее семь человек выстраивались в ряд, брали друг друга под руку и, скрестив на груди руки, образовывали неразрывную цепь. На флангах этой цепи две свободные руки держали по консервной банке. Когда семерка добиралась до места назначения, пленный, стоящий в середине цепи, подходил к солдату, раздающему хлеб, крайние подходили к солдатам, раздающим воду. Семерки уходили от раздатчиков к своим землянкам, где делили пищу. Получали еду только трое, остальные четверо являлись свидетелями [4, с. 84]. Трудности были и с наличием приборов для питания. Получить пищу могли только те, кто имел посуду: котелок, каску или консервную банку. За неимением посуды под черпак подставляли пилотки.

Политика нацистского руководства по вопросу питания советских военнопленных изменилась 31.10.1941 г., когда был издан приказ Гитлера о массовом трудоиспользовании советских военнопленных в немецкой экономике. Итак, впервые был проявлен принципиальный интерес к сохранению жизни как можно большего числа пленных с целью использования их как рабочей силы. В некоторых лагерях были

увеличены нормы питания, однако данные нормы оставались ниже минимума выживания, улучшены условия размещения, появились крытые постройки, бани, снизилась массовая смертность. Однако предписания Вермахта по обеспечению военнопленных продуктами питания были одни, а на местах другие. Очень часто некоторые перечисленные в рации продукты не выдавались, заменялись другими. Для военнопленных был изготовлен специальный хлеб, который состоял из 50% ржаной муки грубого помола, 20% отжимок сахарной свеклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки из соломы или листьев. Появилась проблема обеспечения военнопленных продуктами, так как первоначально необходимо было обеспечить немецкую армию, гражданское население, а уж потом советских военнопленных. В донесениях квартирмейстера в тыловом районе группы армий «Центр» за ноябрь 1941 г. указывалось, что существовала проблема снабжения военнопленных в пределах тылового района группы армий «Центр». Пересыльные лагеря не располагали ни оборудованием, ни административным аппаратом, чтобы прокормить огромное количество пленных. Доставку продуктов питания пересыльный лагерь не мог осуществлять из-за нехватки транспортных средств. Необходимо было обеспечить снабжение военнопленных за счет добровольных пожертвований и услуг деревенских общин» [5, с. 163]. Снабжение лагерей продовольствием было технически трудной задачей: не каждый лагерь располагал своими собственными транспортными средствами для доставки продуктов, дров, отсутствовали котлы для варки, столовые приборы. Так, в среднем на 10 000 военнопленных требовалось 100 центров картофеля, 16 конных упряжек, 10 конных упряжек для доставки хлеба, 4 повозки для доставки другого продовольствия. Обеспечение лагеря продуктами питания входило в функции коменданта. В основном доставка продуктов питания для лагерей военнопленных возлагалась на бургомистров, сельских старост. Так, 08.12.1941 г. генеральному комиссару в Вилейке о питании военнопленных доводились указания: всем бургомистрам приказывалось наладить места сбора отходов и побочных продуктов. В качестве основных мест сбора определялись районные города. Районные бургомистры были ответственны за то, чтобы собранные продукты питания еженедельно подвозились в лагерь для военнопленных. Ветеринарам приказывалось отбирать и доставлять в лагерь больной и непригодный для работы скот (в том числе и лошадей) [6, л. 64]. А бургомистру Экиманской управы Витебской области приказывалось немедленно

организовать сдачу картофеля колхозам в количестве 21 т в лагерь Боровуха. В оперативной зоне (зоне военных действий) в отношении продовольственного обеспечения и вещевого довольствия военнопленных несли ответственность шеф-интенданты. От них лагеря получали указания, в каких продовольственных отделах коменданты лагерей должны были получать продукты для военнопленных.

Жители Беларуси по собственной инициативе приносили в лагерь продукты питания. Во многих лагерях первые месяцы местным женщинам разрешалось приносить в лагерь еду. Жители передавали продукты через охрану, перебрасывали узелки через проволоку. Так, в шталаге № 313 свидетели рассказывали: «Население помогало, чем только могло: приносили сколько кто мог хлеба, супа, рожь, вместе с хлебом население стало передавать оружие, клещи, которыми можно было резать проволоку». В результате многим военнопленным удавалось осуществить побег.

Все это привело к тому, что администрацией лагерей военнопленных было запрещено подпускать женщин к лагерю. Так, комендатура лагеря шталага № 357 издала приказ от 19.09.1941 г. «О запрещении общения военнопленных с гражданским населением». Согласно приказу гражданскому населению, особенно женщинам, запрещалось подходить к лагерю военнопленных и передавать какие-либо предметы: продукты, бритвы и т. д. Также создавались на добровольной основе из представителей городского населения, крестьян, духовенства комитеты помощи русским военнопленным. Так, в г. Гомеле существовал комитет помощи советским военнопленным для дулага № 121. В своих воспоминаниях сотрудник комитета Шведов Е. З. отмечал, что по всем населенным пунктам, окружающих г. Гомель, были разосланы «подписные листы» с призывом оказывать помощь содержащимся в лагере военнопленным. Население собирало и привозило на подводах продукты, одежду, деньги, на которые комитет закупал продукты. Однако не все доходило до военнопленных [7, л. 95]. Огромную помощь военнопленным оказывали представители духовенства. Так, священник Груздово-Хожово-Полочанского прихода Молодечненского района Николай Гуринович в 1943 г. среди прихожан проводил сбор продуктов для военнопленных [8, с. 37].

Заключение. Вопросы продовольственного обеспечения военнопленных находились в компетенции Верховного командования сухопутных войск и Верховного командования вооруженных сил Германии. На местах, в лагерях

для военнопленных, приказы о питании военнопленных коменданты трактовали по своему собственному усмотрению. Нормы питания зависели от места расположения лагеря, количества военнопленных, личной инициативы коменданта в лагере, от запасов продовольствия в округе, пор года. Но все же нормы были намного ниже официально установленных. Нормы питания, качество пищи, условия ее получения для советских военнопленных являлись одной из главных причин, приводивших к высокой смертности и каннибализму среди военнопленных. Советские военнопленные оставались внутри иерархии пленных на одной из самых низких ступеней. В основу такого положения были заложены не нормы гуманности, международного права, а положения нацистской идеологии. Решением проблемы содержания и продовольственного обеспечения военнопленных в лагерях занимались коменданты. А за доставку продуктов в лагерь, расположенные в генеральном округе Беларусь, отвечали бургомистры и сельские старосты, в оперативной зоне – шеф-интенданты.

Литература

1. Продовольственное обеспечение советско-русских военнопленных // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд. 1440. – Оп. 3. – Д. 952. – Л. 109.
2. Донесение об инспекционной поездке по лагерям военнопленных округа «Я» полковника Маршала с 18.11.1941 г. // НАРБ. – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 917. – Л. 116.
3. Объяснительная записка начальника лазарета шталага № 352 Тарасевича / Белорусский государственный музей Великой Отечественной войны. – № н/в 23921.
4. Пауль, Кернер-Шрадер. Дневник немецкого солдата / Кернер-Шрадер Пауль. – М.: Воениздат, 1964. – С. 84.
5. Штрайт, К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / К. Штрайт; пер. с нем. И. Дьяконова. – М.: Русская панорама, 2009. – С. 163.
6. Донесение областному комиссару в Вилейке о питании русских военнопленных от 8.12.1941 г. // Государственный архив Минской области. – Фонд. 4232. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 64.
7. Протокол допроса Шведова Евтихия Захаровича // НАРБ. – Фонд 861. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 95.
8. Силова, С. В. Крестный путь. Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Минск: Белорусский Экзархат, 2005. – С. 37.

Поступила 10.03.2011